

Он держался из последних сил уже несколько дней: не боялся, не паниковал, не суетился, переполненный покорностью воле судьбы. Но в этот миг его душа рухнула, потерпев полный крах, и все тяжелые думы уплыли вместе с бурной рекой.

Чжуан Цзянь долго сдерживался, молчал целые дни. Страх, унижение и сердечная боль за этот год наконец выплеснулись наружу. Он опустил голову, и слёзы одна за другой капали на землю, пачкая его руки и воротник.

Он открыл рот, и каждое его слово было словно соткано из крови и слёз:

— Не нужно больше помогать мне, Ло Аошэн. Сколько ни старайся, всё без толку, лишь зря потратишь душевные силы. Мой узел на сердце — мертвая петля, и в этом мире никто не сможет ни помочь мне, ни выручить! Мне не нужна твоя милость в обход закона, прошу лишь об одном: рассуди меня по всей строкости! Прежний грех покушения на членов императорской семьи совершил я сам, а убийца должен заплатить жизнью. Прошу, поступи по справедливости.

Что еще ты хочешь услышать? Что желаешь выбить из меня перед судом? Благовония, что жгли во время передачи указа в Юйлине, были самыми любимыми у императрицы, а старинный императорский указ — дело рук императрицы ЦАО и ЦАО Дэ! Потеряв собственного принца и опасаясь, что консорт Чжан займет ее место, она наговорила клеветы брату и императору, чтобы те уничтожили всю семью и родных консорта Чжан, чужими руками — руками моего рода Чжуан — совершив убийство.

Что я еще могу сказать?! Умирая, император сказал наследному принцу, что это его отец издал указ об убийстве матери. Все эти годы император терзался чувством вины, поэтому предавался даосизму и меньше вникал в мирские дела. Императрица годами искупала ошибки и заглаживала грехи. ЦАО Дэ уже мертв, его репутация запятнана. Так что, пойти и заявить наследному принцу, что во всем виновата та, что воспитывала его все эти десять лет? Что в семь лет он лишился матери, а десять лет спустя убил её же, и это разобьет ему сердце, причинит боль, но зато спасет мне жизнь и послужит искуплением чужих грехов?!

Слёзы ручьями текли по его лицу, черные черты исказились в судоргах. Он поднял руки в почтительном жесте, рухнул на колени и забился в непрерывных поклонах, умоляя:

— Этот клубок — мертвая петля, никому её не распутать, этот узел глух, никому его не развязать. Мы все прекрасно знаем, что это тупик, так зачем же пытаться найти выход?

Один удар меча — и покончено с тысячами бед. Смерть Чжуан Цзяня сохранит всем жизнь и приличия, а чувства естественным образом улягутся.

Кому положено жить — пусть живет, кому тосковать — пусть тоскует. Кому суждено быть императором — пусть царствует, кому положено умереть — пусть умирает. Со временем все мирские дела сами собой принесут облегчение. Ни у кого нет людей, которых нельзя забыть навечно, нет и непреодолимых преград. Ты ищешь справедливости нелицеприятного суда, он жаждет мести для душевного покоя, я же прошу лишь о тихой смерти. Каждый получит то, что ему нужно, каждый позаботится о себе, и не нужно выставлять мои останки напоказ, не нужно

выволакивать мое тело, чтобы хлестать плетьюми, сжигать заживо или резать на тысячу кусков!

Чжуан Цзянь один за другим отвешивал поклоны, истово умоляя о пощаде:

— Когда-то у меня был уговором с императрицей ЦАО: если я совершу непростительный грех, пусть она сама дарует мне смерть. Нынче как раз настало время для Чжуан Цзяня потребовать эту клятву!

— Наследный принц должен немедленно взойти на престол. Прошу главного судью передать императрице: пусть даруют мне тихую смерть! О прошлом больше не нужно упоминать!

Я слишком устал. Больше не хочу ничего видеть! Ничего слышать! Подарите мне тишину в эти последние дни. Умоляю, проявите милосердие!

Он рухнул в пыль, изнуренный душой и телом, продолжая кланяться, и наконец припал к земле, горько зарыдав.

Ло Аошэн смотрел на него, не зная, что и чувствовать. Он допросил бесчисленное множество людей, провел тысячи судебных заседаний, повидал мириады кровавых слов, трагических и нелепых историй, и его сердце уже давно ожесточилось, покрывшись льдом и камнем, оставшись совершенно глухим ко всему. Но еще никогда прежде ничто не причиняло ему такой дикой, раздирающей боли.

Всякий, попадая на суд и в темницу, сбрасывает маски, перекладывает вину на других, вопит, кричит о несправедливости и изо всех сил цепляется за жизнь. Но еще ни разу он не видел, чтобы кто-то собственными руками взваливал на себя чужую вину, желая лишь одного — уйти из жизни, чтобы спасти чужие лица, чужие жизни, благополучие и будущее.

В груди Ло Аошэна бушевали тысячи волн, и он сам не понимал, что за вкус у этого чувства.

Видя, как тот валяется в пыли, растеряв все приличия и самоуважение, словно распутный негодяй, сломленный духом и телом, готовый принять смерть...

Поступок же его был чист и благороден, он жертвовал собой ради других. В его сердце не было темных умыслов, душа его была чиста — такого поистине можно было назвать мужем с большой буквы и истинным героем.

Разум Ло Аошэна прояснился: сердце Чжуан Цзяня было полно «чувств», оттого он и искал смерти, давая другим путь к жизни. На самом деле, распутай этот клубок или оставь как есть — все равно все нити сходились на одном человеке. Но если этот человек не захочет сам отпустить обиду, никто в поднебесной не сможет рассеять этот застарелый сердечный узел.

Если бы он ждал, пока Чжуан Цзянь сам начнет умолять о спасении, разве не стало бы это насмешкой над его глубокими искренними чувствами? У каждого есть свои принципы и упорство. Даже перед лицом смерти их нельзя презирать или топтать.

Ведь в его сердце и впрямь жила любовь.

Сердце Ло Аошэна сжалось, словно от удара ножа.

Он долго смотрел на поникшего Чжуан Цзяня. Ясный лунный свет проникал в камеру, падая тонкими каплями на них обоих. Ло Аошэн видел его изможденное лицо, раны, пыль и травинки в волосах, предельную усталость тела и духа, и от этого сердце его непрерывно ныло от глухой боли. В нем поднималось уважение и жалость — в конце концов, он просто не мог вынести вида павшего благородного мужа и тоскующего в нищете героя.

Ло Аошэн протянул руку и позвал:

— Чжуан Цзянь, подойди поближе.

Чжуан Цзянь подошел и сел возле железных прутьев тюремной двери.

Ло Аошэн засучил длинный рукав, просунул руку сквозь прутья тюремной решетки, и его белые пальцы коснулись лица Чжуан Цзяня, бережно стирая грязь, пыль, следы невзгод и накопившуюся усталость. Этот человек по природе своей должен был много улыбаться и мало грустить, излучая открытый и прямой нрав. Сможет ли он вернуть ему прежнюю беззаботность, стерев с лица следы бурь и сокрытую в сердце боль, заставит ли вновь сиять улыбку?

Глава суда Дали тщательно вытер ему щеки, затем провел ладонью, собирая растрепавшиеся волосы Чжуан Цзяня. Он аккуратно расчесал его длинные пряди, разгладил их, подобрал выбившиеся у висков локоны и собрал на макушке в узел.

Чжуан Цзянь закрыл глаза, чувствуя, как длинные, прохладные и нежные пальцы медленно скользят по его щекам и волосам. Не в силах сдержать подступившую боль и тоску, он слегка затрепетал ресницами, и на них вновь выступила влага, заблестев при каждом движении.

Лунный свет лился в темницу, способный осветить просторы страны и мириады людей. И в то же время он освещал двоих под луной.

Этот миг был воистину бесценной ночью человеческой жизни, стоило запечатлеть его в памяти и никогда не забывать. Такие чувства и картины выпадают на долю человека лишь раз в жизни, где еще услышишь о подобном в мире смертных? Кто знает, пройдут годы, горы и реки останутся прежними, а людей уже не будет, разделенных чертой между небом и землей — смогут ли они вспомнить, как кто-то голыми руками собирал его волосы, утирал слезы и осыпал каплей жалости и благоговения?

Тюремные стражники, стоявшие вдали, издали наблюдали за этой сценой и в смущении опускали головы, не смея больше смотреть. В душе они думали: а ведь главный судья к этому Чжуан Цзяню и вправду равнодушен, сколь предан и верен он в чувствах!

Закончив приводить в порядок волосы, Ло Аошэн на мгновение замер, а затем протянул руку, вытащил из собственной прически нефритовую шпильку и заколот ею волосы Чжуан Цзяня. Его бледные пальцы зажали нефритовую заколку цвета молодой зелени, вонзая ее в черные пряди

Чжуан Цзяня. Теплая и чистая на вид, она излучала мягкое изумрудное сияние, бросая ослепительный отблеск в мрачной глубине сырой темницы.

Затем он заботливо разгладил выбившиеся у висков пряди и лишь после этого отнял руку.

Долго всматриваясь в лицо Чжуан Цзяня, он наконец медленно произнес:

— Чжуан Цзянь, ты знаешь, что виноват перед Лю Юем, но знаешь ли ты, что виноват еще перед одним человеком?

Чжуан Цзянь чуть приподнялся, лицо его застыло в изумлении, слова Ло Аошэна совершенно ошеломили его.

Ло Аошэн сжав зубы, переведя дыхание, посмотрел на него еще раз и наконец тихо спросил:

— Чжуан Цзянь, ты готов скорее умереть, чем снова убивать его мать и причинять ему боль утраты. Ты не хочешь запятнать доброе имя его отца и огорчить его. Это поистине великая гуманность и справедливость. Но скажи мне... считаешь ли ты, что поступил честно по отношению ко мне?

Чжуан Цзянь ошеломленно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

Ло Аошэн по природе своей был человеком сдержанным и спокойным, и такую глубокую боль он скорее запер бы на самом дне сердца, никогда и никому не показывая. Но перенеся столько всего, он облек это лишь в легкие, невесомые слова:

— Чжуан Цзянь, а ты перед лицом моим чист?

Слишком много было между ними причин и следствий, слишком много уз связывало их, и Чжуан Цзянь не мог ни притвориться, будто ничего не было, ни заглушить угрызения совести.

Он улыбался ему, он читал ему стихи, он присылал ему одежды, он на коленях целовал его.

А он страдал за него под следствием, чах от тоски, отвоевывал для него города и искал выход из тупика.

Переполненный раскаянием, Чжуан Цзянь опустил голову и тихо произвел:

— Я... и впрямь виноват перед тобой.

Ло Аошэн посмотрел на него, и душа его словно рассеялась. Последние силы покинули его тело, улетучившись вместе с семью душами и тремя духовными сущностями. Он молча смотрел на Чжуан Цзяня, чувствуя, как его сердце уносится куда-то в далекую дымку.

Вот оно что — оказывается, справедливо изречение: «Лишь когда чувства достигают глубин, они кажутся тусклыми, а те, кто полон чувств, со стороны кажутся бесчувственными и несчастными».

Помолчав немного, он подавил бушевавший в груди шторм мыслей и твердо произвел:

— Через несколько дней дело будет оформлено и передано императору. Как только он поставит личную резолюцию, огласят указ об исполнении приговора. Жди здесь.

Он развернулся и ушел. Сделав пару шагов, он все же не смог сдержать бурю в сердце, остановился как вкопанный и поднял взгляд вперед. Впереди ярко горели факелы, в освещенной зоне его ждали стражники и тюремные чиновники. А позади него простиралась лишь бесконечная тьма.

Сердце Ло Аошэна бушевало, а перед глазами одна за другой вспыхивали сцены из прошлого, связанные с Чжуан Цзянем.

Их первая случайная встреча и его лукавая улыбка в длинном коридоре.

Как он стоял, глядя на яркую луну, с веером в руке, невозмутимый и спокойный, а его поэтичный настрой был прекраснее лунного света.

Как он писал любовные стихи на длинном столе, изысканно и утонченно, проявляя природную элегантность.

Как прятал в рукаве привезенные издалека даньские мандарины, чтобы поделиться ими.

Как пробрался ночью в суд Дали, опустился на колени, обнял его и поцеловал, клянясь и заверяя, что думает о нем каждую секунду.

Как даже после побоев переживал за него, а случайно оброненные искренние слова заставляли его сердце биться чаще.

Как они прощались перед долгой дорогой, проникшись друг к другу чувствами и достигнув полного взаимопонимания.

Всю эту влюбленность, холодность, равнодушие, человечность и долг, доброту и верность, занудство, наглую бесцеремонность, хитрость и бесстыдство... все это после сегодняшнего дня исчезнет навсегда, верно?

Всю эту радость и гнев, печаль и веселье, слезы и боль этого человека — все это после сегодняшнего дня уже никогда не вернется, верно?

Сердце Ло Аошэна внезапно всколыхнулось буруном: за сто лет человеческой жизни великие волны просеивают песок, а мертвых не вернуть к жизни. Горечь мимолетных встреч и вечных разлук оказалась столь тяжелой и невыносимой.

Глава суда Дали смотрел вперед, словно говоря самому себе:

— Лю Юй, все говорят, что ты столь несчастен, но разве это не удача? А я... предпочел бы быть на твоём месте...

Чжуан Цзянь, сжав руками прутья решетки, смотрел на его удаляющуюся спину, впервые в жизни осознав, что он и впрямь совершил роковую ошибку.

Он действительно самого начала сблизился с ним из желания использовать, но, воистину, лишь полюбив его за ум и благородную внешность, он позволил тайным чувствам перерасти в искреннюю привязанность, сыграв всамделишную роль. В конце концов, злая воля судьбы развела их по разные стороны, и в его сердце воцарилась неизбывная тоска и скорбь.

Ло Аошэн подходил ему куда больше Лю Юя, он был бы прекрасным спутником. Но то, что Чжуан Цзянь сначала обманул его, а лишь потом полюбил — неоспоримый факт.

Оправдываться сейчас и пытаться его умиловить было бы слишком фальшиво и подло, и Чжуан Цзянь погрузился в мрачную скорбь.

Глядя на спину Ло Аошэна, он подумал: «Если бы обстоятельства поменялись местами, и вместо Лю Юя был ты, я бы точно так же поступил ради тебя...»

В глубоких покоях императорского двора царила удушливая, безмолвная тишина.

Наследный принц уже двое суток без сна и отдыха коленопреклоненный стоял у ложа императора. Государь находился при смерти и был без сознания, и придворным лекарям оставалось лишь делать всё от них зависящее.

Будучи будущим правителем, наследник заставлял всех подстраиваться под его настроение. Заметив, как у него закружилась голова, он вышел за дверь и бросил взгляд на бескрайнее море цветов. На мгновение ему показалось, будто вдали, среди цветочного ковра, кто-то медленно идет, грациозно приподнимая длинное платье. Этой женщиной оказалась императрица ЦАО Цзе.

ЦАО Цзе сначала посмотрела на императора, а затем на него. Лицо Лю Юби осунулось, он встал и почтительно поклонился ей. Подойдя к помосту, ЦАО Цзе молча глянула на императора Юаньхэ — выражение ее лица было трудно прочесть — и наконец промолвила:

— Боюсь, император не протянет и этих двух дней — сегодняшнего и завтрашнего.

Лю Юби опустил голову, ничего не отвечая.

Придворные чиновники удалились из залы. Императрица ЦАО встала рядом с императором Юаньхэ и тихо вздохнула:

— Я давно отговаривала его не увлекаться сказками о бессмертных камнях, но он никогда меня не слушал. Этот человек всегда отличался упрямым нравом.

Лю Юби не нашелся что ответить.

ЦАО Цзе продолжила:

— Время пролетело незаметно, прошло больше тридцати лет. А теперь вот приходится уходить без надежды на исцеление. Я до сих пор помню нашу первую встречу: мне тогда было всего пятнадцать. В тот день шел сильный дождь, и четвертый принц Лю Мин нанес визит моему отцу. Хотя помолвка была назначена императрицей-вдовы, я увидела его впервые.

В тот день лил дождь, на нем было одеяние цвета охры. Он шел вдоль карниза, куда капали капли дождевой воды, и они падали прямо ему на плечи. Стоя за дверью, я подумала: почему этот человек такой глупый, неужели не догадается отойти подальше под крышу? И велела служанке отнести ему зонт и подсказать, после чего он наконец шагнул под навес.

Лю Юби внутренне удивился, не понимая, к чему клонит императрица.

ЦАО Цзе посмотрела на погруженного в беспамятство мужа и тихо сказала:

— Нрав у него был прямой и упрямый, но при этом простодушный. Отец выбрал его мне в мужья среди прочих принцев. Позже, когда наследный принц совершил тяжкое преступление и был сослан, отец уговорил прежнего императора и императрицу-вдову, а также подтолкнул чиновников подать петиции с просьбой объявить Лю Мина наследником. А после — преданно помог ему взойти на престол. Император был искренне благодарен нашему роду ЦАО и поклялся мне, что никогда в жизни меня не предаст.

ЦАО Цзе села в центре главного зала, створки дверей настежь распахнулись, впуская потоки прохладного вечернего ветерка. Ее мысли внезапно унеслись на много лет назад, а лицо императрицы постепенно стало холодным и суровым.

— Возможно, когда человек становится императором, он меняется, и сказанные слова вместе с совершенными поступками теряют силу. Он всегда относился к роду ЦАО с уважением, и, пожалуй, на какие-то мелочи вроде наложниц и младших любимчиков мне тоже не стоило обращать внимания.

Лицо Лю Юби начало меняться. Он внезапно сделал несколько шагов вперед, рухнул на колени и перебил слова ЦАО Цзе:

— Вроде бы говорят, что сыну не подобает обсуждать проступки матери. Матушке не стоит продолжать, я не хочу это слушать!

ЦАО Цзе посмотрела на него взглядом, в котором смешались жалость и строгость:

— Некоторые вещи необходимо высказать, нельзя умолчать. Юй-эр, почему твое сердце становится всё мягче? Это тебя так научил ученый муж Чжоу?

На лице Лю Юби отразилась мучительная боль.

— От природы я очень ревнива и поистине не способна нести бремя матери поднебесной и управлять внутренними покоем. В те времена самой любимой наложницей во дворце была консорт Чжан Цуйчжу, она родила двоих сыновей и пользовалась огромной милостью императора. Мой же сын Лю Пу от рождения был слабым и болезненным, и, глядя на тех двоих живых и здоровых маленьких принцев, я порой от зависти не могла уснуть ночами.

Лицо Лю Юби резко переменилось. Он вдруг протянул руку и крепко сжал ладонь ЦАО Цзе, в его глазах читалась мольба, и он снова взмолился:

— Матушка хранит всю свою материнскую любовь к ушедшему старшему брату в сердце Лю Юя. Лю Юй безмерно счастлив. Эта великая милость воспитания тяжелее гор и глубже морей, матушке больше не нужно об этом говорить.

ЦАО Цзе покачала головой и продолжила говорить сама по себе:

— Я не возражала ни против одной из наложниц в гареме, но не могла смириться с Цуйчжу. Тогда, в тот дождливый день в усадьбе ЦАО, я приказала Цуйчжу дать четвертому принцу зонтик от дождя, но в итоге своими руками преподнесла сердце собственного мужа другой. Императорская милость может рассыпаться по всему гарему, но сердце нельзя отдавать никому. Видя, как император улыбается и беседует с ней, я чувствовала невыносимую боль в груди.

Позже мой сын Лю Пу умер, едва дожив до десяти лет. Я рыдала над ним, обнимая его тело: как мне жить дальше без сына? Как вернуть сердце мужа без принца?

В глазах ЦАО Цзе блеснули слезы. Лю Юби закрыл лицо руками — почему все люди в этом мире столь эгоистичны и бессердечны?

Слезы градом текли по щекам ЦАО Цзе, и дрожащим голосом она продолжила:

— Я призвала своего старшего брата для совета. Его подчиненный Юй Линь среди ночи помчался в Сяньян, сфабриковал улики и схватил смертников, чтобы представить императору доказательства того, что род и близкие консорта Чжан затевают бунт. Император по простоте душевной не отличил правду от лжи и тут же издал указ казнить весь род Чжан.

Юй Линь с указом отправился в усадьбу Чжуан, принудив их род убить консорту Чжан. А затем мой брат во главе войск под предлогом подавления беспорядков уничтожил Юй Линя и оставшихся мятежников. Позже император раскаялся, поэтому дело держалось в строжайшем секрете.

ЦАО Цзе медленно поднялась со стула, обошла Лю Юя и опустилась перед ним на колени:

— Это бремя много лет давило мне на сердце, но сегодня, высказав всё, я наконец сбросила камень с души. Позже, не находя покоя по ночам, я посылала людей искать вас в народе, и нашла лишь тебя одного, после чего привела во дворец на воспитание. Я думала про себя: заветное желание Чжан Цуйчжу заключалось в том, чтобы её любимый сын взойшел на трон. Раз я отняла у нее жизнь и завладела мужем безраздельно, то исполню её волю и помогу её любимому сыну взойти на престол.

Она спокойно посмотрела на Лю Юя и произнесла:

— Император при смерти, а я совершила тяжкий грех и должна поплатиться за него жизнью, последовав за ним, дабы искупить вину. Наследник уже взрослый и скоро взойдет на престол как император. Когда ты останешься один, непременно умеи отличать правое от неправого, не позволяй злодеям одурачить себя и не совершай поступков, о которых придется жалеть.

Она достала из рукава свиток доклада, подняла его выше бровей и сказала:

— Здесь записаны показания, которые я дала для главного судьи Ло, вместе с его собственным докладом. Прошу наследного принца рассудить всё по справедливости. Негоже, чтобы невинный нес чужую вину, а настоящий виновник уходил от ответственности.

Лю Юби стоял на коленях посреди главного зала, и его трясло от макушки до пят. В этот момент с улицы порывами дул ветер, и от холода внутри сжимались все внутренности. Стоял апрель, вроде бы самая ранняя весна, когда природа дает новые побеги, но пробирало до костей, словно от ледяного меча. И хотя ночное небо было прекрасным, перед его глазами лежали лишь руины и залитое кровью сердце.

Он взял свиток, но пальцы так дрожали, что не могли развернуть его, а пионы в саду мерно колыхались под ветром.

Внезапно он швырнул свиток на землю и закричал во весь голос:

— Вы! Вы все пришли, чтобы заставить меня подчиниться! У каждого из вас полно обид и железобетонных доводов, но вы приходите, чтобы ввергнуть меня в пучину бесчестия, заставляя меня играть роль злодея! Доводя меня до состояния, когда смерть милее жизни! Как вы можете быть настолько подлыми?! Весь мир вокруг — сплошные праведники, и лишь меня вы принуждаете быть злодеем!

ЦАО Цзе молча посмотрела на него, тут же поднялась и быстрым шагом вышла из залы.

Словно обезумев, Лю Юй принялся крушить все мелкие вещицы, попадавшие под руку. Занавески закачались, слуги в панике бросились врассыпную. В просторном зале не осталось ни души, кроме лежавшего на ложе и погруженного в беспамятство императора Юаньхэ.

Двери и окна содрогались, столы и стулья падали и ломались, оставляя вокруг удручающие следы погрома. Выплеснув накопившуюся ярость, наследник стремительно выбежал из зала, а перед ним расстилались бескрайние просторы императорского сада пионов.

Выходит, Чжоу Вэйчжуан — это и есть Чжуан Цзянь.

Выходит, ЦАО Цзе — та самая женщина, что убила его мать.

Выходит, приказ казнить род Чжан отдал сам император.

Лю Юй пережёвывал эти слова, заставляя себя запомнить каждое. Он повторял их снова и отново, и с каждым разом его сердце раскалывалось на ещё один осколок.

Встретить он Янь Ши снова, он узнал бы его даже в пепле, так почему же он не разглядел тех, кто был рядом? Разве это не слепота на открытые глаза? Лю Юй поднял голову: усыпанное звездами небо, бескрайний сад пионов, мерцающие вдали огоньки беседок и башен. В один миг к нему пришло прозрение: оказывается, всё его богатство и величие куплены ценой отречения от всего, что было рядом.

Ни матери, ни отца, ни приемной матери, ни... близкого... человека...

Ошеломленный до предела, Лю Юй вдруг разразился диким смехом.

Отчего же причинно-следственные связи в этом мире столь нелепы и столь суровы? Он взошел на престол, желая всей силой власти вернуть недостижимое сокровище. Но он никак не ожидал, что в день, когда это свершится и он станет владыкой Поднебесной, мать и сын окажутся по разные стороны баррикад, от него отвернутся все близкие, а он сам собственными руками толкнет самого дорогого человека на смертный путь.

Такова ли кровавая цена императорской власти? Вот за это он и выменял страну и государство?

Среди бесчисленных цветов под небом Лю Юй горько заплакал, и в памяти всплыли обрывки прежних мелочей.

В раннем детстве он скитался в нищете, балансируя на грани смерти. Он горестно затаил обиду, надеясь, что однажды сможет стереть убийц в порошок.

Существует дикий пион под названием летнее пробуждение: его цветы размером с куриное яйцо, стебли усыпаны листьями и бутонами, а лепестки отливают пурпурно-красным. На стеблях полно ворсистых колючек, и стоит задеть их — на теле поднимается невыносимый зуд и боль. Растут они преимущественно по диким горам и холмам.

Эти цветы были живым свидетельством его тяжелого, полного лишений детства. Тогда он был мал и слаб, и так уставал за день, что молил лишь о наступлении темноты, чтобы наконец досыта поесть и уснуть.

<http://bllate.org/book/21149/2144295>